

ВЗИТ К МАЛОЙ ПЛАНТАГЕНЕТ

Астероид залетел со стороны Козерога, покрутился вокруг солнца типа G и свернул к пятой планете. Такая траектория не слишком типична для астероидов.

Он шлепнулся в гравитационную сетку планеты, поносился вокруг нее по трем разным орбитам, а затем вонзился в атмосферу славной падающей звездой.

На высоте сотни футов остановился, а затем рванулся к поверхности — но только к поверхности. Никаких фейерверков, никакого кратера — ничего, кроме примятой травы. Поверхность его была в шрамах и выбоинах, почерневшая от трения об атмосферу, но он был цел.

В глубине его недр прогремели слова, которым суждено было изменить судьбу этой планеты:

— Черт бы подрал румбы твоих скородумных мозгов!

Голос оборвался, его владелец нахмурился, прислушиваясь.

В кабине стояла непроницаемая тишина, без обычного еле слышного гудения.

Молодой человек выругался, срывая с себя амортизационную паутину, выбрался из компенсационного кресла, покачался на пятках, шаря в воздухе, пока рука не нащупала пластик стены.

Придерживаясь одной рукой, он доковылял до панели на противоположной стороне круглой каюты. Там высвободил зажимы, бранясь в прекрасном старом стиле галактических матросов, нажал кнопку, открыл панель. Повернувшись, он почти упал обратно в кресло.

В каюте снова пронеслось тихое гудение. Невнятный голос спросил, модулируя скорость и тон речи:

— Ууззвее — ик! — вудовледворидельно...
М... лор-р-р-р Родни?

— Все роботы в галактике гладкие и блестящие, — пробурчал милорд. — А мне вот достался эпилептик!

— Езли м.. лор-р боззволид, дод конденздор м-м... жно...

— Заменить, — закончил Родни, — а все твои микросхемы можно вырвать с мясом и перебрать. Нет, спасибо, мне твоя личность нравится такой, какая есть — кроме тех случаев, когда ты выкидываешь приземление, от которого у меня ключицы вылетают!

— Броздиде м-лоррд, в дод кридичезкий момент позадки я принял некодорые очень звоеобраз-ные радиоволны, кодорые...

— Ты отвлекся, именно это ты пытаешься сказать?

— М.. лор-рд, было крайне необходимо бронализировать...

— Так значит, одна часть тебя изучала радиоволны, а другая часть тебя приземляла корабль, что было как раз чуточку чересчур большим напряжением, и слабый предохранитель сдал... Векс! Сколько раз я должен тебе повторять — занимайся своим непосредственным делом!

— М... лор-рд выражал ж-желание быть даким, как...

— Как герои Саг о Дальней Разведке, да. Но это не значит, что мне нужны их неудобства.

Электронная система Векса почти оправилась от послепривадачного истощения.

— Но м... лор-рд, гонцебция гер-роизма бредболагаед...

— А, забудь об этом, — простонал Родни.

Векс послушно очистил часть своих банков данных.

Векс был очень послушным. Он был также и антикварным — одним из немногих оставшихся роботов ВКС (Верных Кибернетических Спутников), ранних моделей, ныне уже две тысячи лет как устаревших. Роботы этой системы были запрограммированы на крайнюю преданность и, вследствие этого, гибли, защищая своих хозяев во время кровавого Междуцарствия после

крушения древнего Галактического Союза и до подъема Пролетарского Единоначального Содружества Терры.

Векс — имя, полученное в результате попыток произнести «ВКС» единым словом, — уцелел благодаря своей эпилепсии. У него был слабый блок, который, подвергаясь перенапряжению, высвобождал всю накопленную энергию огромной волной, длившейся несколько миллисекунд. Когда появлялись предварительные симптомы этого электронного припадка — главным образом, неопределенность в расчетах Векса, — включался главный прерыватель цепи и неисправный конденсатор разряжался в изоляции от остальных цепей Векса; но сам робот при этом выходил из строя, пока прерыватель цепи не ставили на место.

Поскольку припадки происходили в моменты сильного напряжения — такие, как попытки приземлить космический корабль — «Сит-астероид», одновременно анализируя заблудившуюся радиоволну, или защитить хозяина от трех убийц одновременно, — Векс более или менее благополучно пережил период Междувластия: когда пролетарии напали на своих господ, робот мужественно сражался в течение двадцати пяти секунд, а затем впадал в коллапс. Таким образом, он стал раритетом — смелым слугой, который уцелел. Он был одним из пяти все еще функционирующих роботов ВКС.

В результате он сделался сокровищем семейства д'Арман, ценимым за свою древность, но даже больше — за свою преданность; истинная верность аристократическим семьям всегда числилась в дефиците.

Поэтому, когда Родни д'Арман покинул родной дом в поисках жизни, полной приключений и славы — будучи младшим сыном младшего сына, он мало чего еще мог сделать, — его отец настоял, чтобы он взял с собой Векса.

Род часто бывал очень рад обществу Векса, но случались моменты, когда у робота просто чуточку не хватало такта. К примеру, после очень жесткой посадки человеческий желудок склонен быть малость слабоватым — но у Векса доставало ума спросить: «Что желаете на обед, м-лорд? Скажем, устрицы со спаржей?»

Род отверг шартрез и стиснул челюсти, борясь с тошнотой.

— Нет, — ответил он сквозь зубы, — и можешь просто проглотить это «м-лорд». Мы на задании, помнишь?

— Я никогда не забываю, Род. Кроме как по приказу.

— Знаю, — проворчал Род. — Это была фигура речи. — Он скинул ноги на пол и с трудом встал. — Мне не помешал бы глоток свежего воздуха для успокоения желудка, Векс. Есть что-нибудь в наличии?

Робот с миг пощелкал, а затем доложил:

— Атмосфера пригодна для дыхания. Лучше, однако, надеть свитер.

Род, ворча, натянул пилотскую куртку.

— И почему это у старых слуг семьи развивается комплекс матери-наседки?

— Род, если бы ты прожил столько, сколько прожил я...

— ...я захотел бы, чтобы меня дезактивировали, знаю, «робот всегда прав». Открой шлюзовую камеру.

Двойные двери шлюзовой камеры распахнулись, показывая черный круг отверстия люка. В каюту ворвался холодный бриз.

Род поднял лицо, вдыхая воздух. Глаза его блаженно закрылись.

— Ах, благословенное дыхание земли! Что здесь живет, Векс?

Механизмы загудели, когда Векс прокрутил ленты, заснятые им в электронный телескоп с орбиты, интегрируя визуальные данные во вразумительное описание планеты.

— Земельная территория состоит из пяти континентов, одного острова приличных размеров и множества островов поменьше. Континенты и мелкие острова имеют схожую флору — экваториальный тропический лес.

— Даже на полюсах?

— За пределами ста миль от каждого полюса; ледяные шапки примечательно малы. Видимая

фауна ограничивается амфибиями и множеством насекомых, мы можем предположить, что моря изобилуют рыбой.

Род потер подбородок.

— Похоже, мы попали в весьма ранний геологический период.

— Каменноугольная эра, — ответил робот.

— А как насчет того небольшого острова? Именно там мы и приземлились, я полагаю?

— Правильно. Туземная флора и фауна отсутствуют. Все жизненные формы типичны для позднего земного Плейстоцена.

— Насколько позднего, Векс?

— Исторического периода человека.

Род кивнул.

— Иными словами, кучка колонистов прилетела, выбрала себе остров, стерла с лица земли туземную жизнь и засеяла землю земными видами. Есть какие-нибудь идеи, почему они выбрали этот остров?

— Достаточно велик, чтобы содержать население в приличном количестве, достаточно мал, чтобы свести к минимуму проблемы экологической ревизии. Потом, остров расположен в зоне полярного океанского течения, которое понижает местную температуру до чуть ниже земной нормальной.

— Очень сподручно, спасает их от забот по управлению климатом. Есть какие-нибудь остат-

ки того, что могло быть городом Галактического союза?

— Никаких, Род.

— Никаких! — Глаза Рода в удивлении расширились. — Это не укладывается в схему. Ты уверен, Векс?

Схема развития затерянной или деградировавшей колонии — той, что тысячу лет или больше пребывала вне контакта с Галактической цивилизацией, — распадалась на три легко различимые стадии: первая — образование колонии; вторая — обрывание связи с Галактической культурой, за этим следует перенаселение городов, которое приводит к массовым миграциям в сельскую местность, и в результате смещение к аграрной само обеспечивающейся экономике; и третья — утрата технологических знаний, сопровождаемая растущим уровнем суеверий, и забрасыванием и в конечном итоге табуированием технологии угля-и-пара — общественные отношения костенеют, и появляется кастовая система. Стили в одежде и архитектуре обычно становятся пародиями на образцы Галактического Союза: к примеру, маленькие полусферические деревянные хижины, построенные в попытке сымитировать геодезические сводчатые купола Галактического Союза.

Но всегда оставались развалины города, выполняющие роль постоянного символа и основы для мифологии. Всегда.

— Ты уверен, Векс? Ты действительно, в самом деле уверен что нет города?

— Я всегда уверен, Род.

— Это правда... — Род дернул себя за нижнюю губу. — Иногда ошибаемся, но никогда не сомневаемся. Ну, отложи вопрос о городе на будущее, может быть, он потонул в приливной волне. Давай просто произведем последнюю проверку, что жизненные формы — земные.

Род нырнул головой вперед через метровый круг шлюза, приземлился с кувыркком вперед, поднялся на колени. Отстегнул от пояса партизанский нож — нож, заботливо сработанный так, что его нельзя было отнести к какой-либо известной культуре, — и вытащил его из ножен.

Чехол для ножа представлял собой тонкий конус из белого металла с кнопкой возле рукоятки. Род сорвал несколько стебельков травы, бросил их в ножны и нажал на выпуклость. Встроенный в стенки миниатюрный прибор прозондировал траву, анализируя молекулярную структуру, и передал данные Вексу, который определял, не были ли какие-нибудь соединения несовместимы с человеческим метаболизмом. Если бы трава была ядовитой для Рода, Векс направил бы сигнал обратно к ножнам и светлый металл приобрел бы пурпурный оттенок.

Но в данном конкретном случае ножны сохранили серебряный цвет.

— Все сходится, — сказал Род. — Это земная трава, предположительно посеянная землянами, и это — земная колония. Но где же город?

— Тут есть городок — наверное, тысяч тридцать душ, — у подножия горного хребта на севере, Род.

— Ну.. — потер подбородок Род. — Это не совсем то, что я имел в виду, но лучше, чем ничего. Как он выглядит?

— Расположен на нижних склонах большого холма, на вершине которого находится каменное строение, сильно напоминающее земной средневековый замок.

— Средневековый! — нахмурился Род.

— Сам городок состоит из полудеревянных и оштукатуренных зданий со вторыми этажами, нависающими над узкими улицами — «переулки» будут лучшим термином, — на которых они расположены.

— Полудеревянных! — Род поднялся на ноги. — Минуточку, минуточку! Векс, эта архитектура напоминает тебе что-нибудь?

Робот с минуту помолчал, а затем ответил:

— Североевропейский Ренессанс.

— Это, — заметил Род, — не типичный стиль ретроградской колонии. Насколько близко эти здания походят на земной Ренессанс, Векс?

— Сходство совершенное до последней детали, Род.

— Значит, оно преднамеренное. Что насчет замка? Тот тоже эпохи Возрождения?

Робот помолчал, а затем сказал:

— Нет, Род. Он, похоже, является прямой копией немецкого стиля XIII века н.э.

Род энергично кивнул.

— Что насчет стилей одежды?

— Мы в настоящее время находимся на ночной стороне планеты и находились там же при приземлении. Имеется достаточно света от трех спутников планеты, но относительно мало гуляющих людей... Есть небольшой отряд солдат... скачущих на земных лошадях. Их мундиры — э... копии мундиров английских бифитеров².

— Отлично! Есть еще кто-нибудь на улицах?

— Гм... пара мужчин в плащах — э... и в камзолах и рейтузах в обтяжку, я считаю, н... да, небольшая группа крестьян, одетых в холщовые рубахи и штаны из оленьей кожи с помочами крест-накрест.

— Этого хватит, — оборвал его Род. — Это крошка, конгломерат стилей. Кто-то попытался воплотить свое представление об идеальном мире, Векс. Ты когда-нибудь слышал об Эмигрантах?

С минуту робот молчал, роясь в своих банках памяти. Затем он принялся зачитывать:

— Недовольные изобиловали в конце XXII века нашей эры. Затосковав от своей «жизни тихого

отчаяния», люди обратили свои взоры, во-первых, к мистицизму, во-вторых, к эскапической литературе и развлечениям. Постепенно господствующей формой развлечения стало псевдо-средневековье.

Наконец, группа богатых людей объединила свои средства для покупки устаревшего лайнера СССР³ и объявила всему миру, что они являются Романтическими Эмигрантами, что они намерены восстановить блеск средневекового образа жизни на прежде не колонизированной планете и что они примут ограниченное число поселенцев в качестве крепостных и ремесленников.

Заявок, конечно, оказалось намного больше, чем можно было удовлетворить. Эмигрантов отбирали за «поэтичность души», что бы это ни значило.

— Это значит, что они любили слушать рассказы о привидениях, — ответил Род. — И что произошло дальше?

— Список пассажиров быстро заполнился. Тринадцать магнатов, организовавших эту экспедицию, заявили, что они в связи с этим отказываются от своих фамилий и принимают родовые имена великих средневековых аристократов — Бурбон, Медичи и т. п. Затем корабль отбыл, предусмотрительно не уточнив конечную цель, дабы «не было никакого заражения со стороны материалистического мира». Больше о них ничего не слышали.

Род мрачно улынулся.

— Ну, я думаю, мы только что обнаружили именно их. Как это ладит с твоими диодами?

— Очень хорошо, Род. Фактически, статистический анализ вероятности, показывающий, что это колония Эмигрантов, выходит следующий...

— Пропусти это, — быстро велел Род. Статистика была коньком Векса, дай ему хоть полшанса, и он будет часами надоедать тебе.

Род поджал губы и поглядел на ту часть корпуса, где обитал мозг Векса.

— Когда ты это обдумаешь, можешь отослать эту статистику обратно в ПОИСК с нашей обоснованной догадкой, что мы нашли колонию Эмигрантов. Можешь даже заняться этим прямо сейчас; я хочу, чтобы они знали, где мы находимся на случай, если что-нибудь произойдет.

ПОИСК — Поисковое Общество Искоренения Союзов Коррупции — был организацией, ответственной за розыск утерянных колоний. Пролетарское Единое Содружество Терры (ПЕСТ) проявляло примечательно мало интереса к любой колонии, где отсутствовала современная технология, так что утерянные колонии оставались утерянными до тех пор, пока тоталитарная власть ПЕСТ⁴ не была свергнута ДДТ — Децентрализованным Демократическим Трибуналом. ДДТ быстро укрепил свою власть на Земле, управляя

в согласии с почти недостижимыми идеалами афинской демократии.

Давно было известно, что неэффективность демократических правительств являлась в основном проблемой средств связи и предрассудков. Но в период свыше двух веков ячейки ДДТ функционировали как подпольные классы, результатом чего явились грамотность и дипломы магистра у семидесяти двух процентов населения; предубеждения, таким образом, присоединились к полиомиелиту и раку в списке излеченных болезней. Проблемы же средств связи были решены разработкой в лабораториях ДДТ субмолекулярной электроники, снизившей размеры и цену средств связи до такой степени, что впервые становилось практичным их действительно широкое применение. Таким образом, каждый индивид мог в любой момент пожаловаться своему трибуну, а будучи образованными, они склонны были много жаловаться просто исходя из общих принципов, что это очень здраво для демократии.

Радиопротесты оказались исключительно эффективными, по большей части благодаря их автоматической записи. Проблемы записи данных и другой бюрократической волокиты были разрешены изобретением ред-оксидной звукозаписывающей пленки с дорожками шириной в одну молекулу и разработкой настолько эффективной системы поиска данных, что запоминание фактов

стало устаревшим. Образование, таким образом, стало заключаться в обучении концепциям, и успех демократии был гарантирован. После двух веков такой подготовки почвы революция ДДТ явилась всего лишь формальностью.

Но когда революция окончена, революционеры всегда не к месту и, вероятно, оказываются смущающим фактором для полицейских сил нового правительства. Поэтому ДДТ решил не быть эгоистичным, скорее, наоборот, он готов был поделиться благами демократии с остатками старого Галактического Союза.

Однако демократов редко встречают с распростертыми объятиями на планетах, управляемых тоталитарными правительствами, и едва ли радужнее на планетах, где преобладает анархия, — это вызвано самой природой демократии, единственного практического компромисса между тоталитаризмом и анархией.

Требовалось не что иное как постоянная организация революционеров, подрывных сил республиканских демократов. Поскольку под рукой имелся большой запас оставшихся без работы революционеров, организация эта была создана быстро и окрещена Поисковым Обществом Искоренения Союзов Коррупции. «Союзов» — было добавлено век спустя, когда все известные обитаемые планеты ниспровергли тоталитарные режимы и присоединились к ДДТ.

Бывшие революционеры по-прежнему являлись проблемой — даже сильнейшей, чем раньше, поскольку их стало больше, — и их стали отправлять поодиночке разыскивать утерянные колонии. Так и стал ПОИСК организацией, чьей заботой было отыскивать отсталые планеты и наставлять их на путь демократии.

Поскольку Род нашел средневековую планету, ему, вероятно, надо будет поощрять развитие конституционной монархии.

Род, урожденный Родни д'Арман (у него имелось еще пять промежуточных имен, но их было скучно читать), происходил с планеты, населенной исключительно аристократами и роботами, и вступил в ПОИСК в нежном возрасте восемнадцати лет. За десять лет службы он вырос из долговязого, некрасивого юнца в худощавого, мускулистого, некрасивого мужчину. Лицо его было аристократическим; это о нем можно было сказать — это и не больше. Его отступающая линия фронта волос кончалась на ровном скошенном лбу, который тянулся до костных надбровных дуг, несколько замаскированных кустистыми бровями. Брови нависали над глубокими глазницами, в недрах которых гнездились два несколько суровых глаза — по крайней мере, Род надеялся, что они выглядели суровыми.

Глазницы служили порогом к высоким плоским скулам, разделенным лезвием носа, который

сделал бы честь орлу. Под скулами и носом находился широкий тонкогубый рот, который даже во сне кривился в сардонической улыбке. Подо ртом пребывали квадратная челюсть и выступающий подбородок.

Род хотел бы утверждать, что это было сильное лицо, но оно имело склонность примечательно смягчаться, когда ему улыбалась девушка. Собаки и дети производили тот же эффект, но с куда большей частотой. Он был человеком с Мечтой (некогда это была Девушка-Мечта, но та осталась с его зеленой юностью) — Мечтой о едином правительстве Объединенной Галактики (демократическом, конечно). Межзвездные средства связи были все еще слишком слабыми для истинно демократической федерации: ДДТ был, на самом деле, свободной конфедерацией миров — скорее дискуссионным клубом и служебной организацией, чем чем-либо большим.

Но в один прекрасный день адекватные средства связи появятся. Род был в этом уверен, а когда это случится, звезды будут готовы. Он за этим присмотрит.

— Ну, давай займемся делом, Векс. Нельзя сказать, когда кто-нибудь может забрести сюда и заметить нас.

Род перемахнул в шлюз и прошел через него обратно в каюту. Он подошел к панели в стене, высвободил зажимы. Внутри находился пульт

управления — над ним была сфера из белого металла с тусклым отливом, размером примерно с баскетбольный мяч, из сферы тянулся толстый кабель и соединялся со стенкой корабля.

Род отвинтил соединение, высвободил фрикционный зажим, удерживавший сферу на месте, и осторожно снял ее.

— Полегче, — попросил голос Векса из наушника, имплантированного в кость за правым ухом Рода. — Я, знаешь ли, хрупкий.

— Немного доверия, пожалуйста, — пробурчал Род. Микрофон донес его слова до Векса. — Я ведь тебя пока еще не ронял, не так ли?

— Пока, — откликнулся робот.

Род обхватил мозг робота одной рукой, оставив другую свободной, чтобы преодолеть шлюз. Снова оказавшись снаружи, он нажал кнопку в борту корабля. На боку псевдоастероида поднялась большая дверь. Внутри в амортизационной паутине висел могучий черный конь с опущенной между ног головой и закрытыми глазами.

Род нажал кнопку, из грузового отсека вылез кран, покачал коня на тросе, затем опустил, пока его копыта не коснулись земли. Род повернул луку седла, и в боку коня открылась панель. Род поместил мозг внутрь, закрутил зажимы, затем повернул луку седла обратно: панель закрылась. Конь медленно поднял голову, пошевелил ушами, дважды моргнул, издал пробное ржание.

— Все, как и должно быть, — сказал голос за ухом Рода. Конь пожевал для виду. — Если ты позволишь выбраться из этой колыбели для кошки, я проверю моторные цепи.

Род усмехнулся и освободил его от паутины. Конь встал на дыбы, подержался копытами за воздух, а затем прыгнул и перешел в галоп. Род следил за скачущим роботом, заодно хорошенько осматривая свое окружение. Корабль приземлился в центре луга, лохматого от летней травы, окруженного дубами, гикори, кленами и ясенями. Стояла ночь, но луг заливало светом трех лун. Робот потрусил обратно к Роду и поднялся на дыбы, чтобы остановиться перед ним. Копыта глухо ударили о землю, большие шоколадные глаза повернулись к Роду, уши поднялись.

— Я в форме, — доложил Векс.

Род снова усмехнулся.

— Нет зрелища, лучше скачущего коня.

— Что, никакого?

— Ну, почти никакого. Брось, давай зароем корабль.

Род нажал штырьки на стенке корабля; грузовой люк закрылся, шлюз загерметизировался. Корабль начал вращаться, сперва медленно, затем все быстрее и быстрее по мере того, как он погружался в землю. Скоро остался только кратер, окруженный валом из жирной глины, а верх астероида изгибался метром ниже.

Род вытащил саперную лопатку из седельной сумки Векса, собрал ее и приступил к выполнению своей задачи. Конь присоединился к нему, резко ударяя копытами по валу. Через десять минут вал уменьшился до десяти дюймов, в центре возник холмик — футов двадцати в поперечнике и в два фута высотой.

— Отойди. — Род вытащил кинжал, повернул рукоять на 180 градусов и направил ее на земляной холмик.

Возник луч красного цвета, глина запылала вишнево-красным, расплавилась и потекла.

Род медленно водил лучом по дуге над всем кратером вывороченной породы, пока почва не расплавилась на фут ниже уровня земли. Он сгреб остатки вала в яму, соорудив небольшой холмик, но об этом позаботится ближайший дождь.

— Ну, вот и все. — Род вытер лоб.

— Не совсем.

Род согнул плечи, у него засосало под ложечкой.

— Ты еще должен переодеться в одежду, соответствующую этому обществу и эпохе, Род.

Род прищурил глаза.

— Я взял на себя смелость упаковать камзол в левую седельную сумку, пока ты исследовал траву, Род.

— Слушай, — заспорил Род. — Ведь моя форма подходит достаточно хорошо, не так ли?